

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

СЕРЕНИССИМА-ЮСТИЦИЯ И ВЛАСТЬ “СОВЕТОВ” ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБРАЗАХ И СИМВОЛАХ

В статье ставится вопрос об определении венецианской идентичности с учетом специфики этого сложного социума. Автор считает, что Справедливость, Юстиция, являлась одним из основных символов городской идентичности, а образ общины граждан Венеции находил воплощение в причудливой взаимосвязи мирского и сакрального.

Ключевые слова: городская идентичность, Ренессанс, Раннее Новое время, история права, Венеция, аристократия, история институтов, история повседневности

Венеция – это множество мифов и образов, превышающее множество островов и островков, из которых сложилась Venetia, держава на лагунах. Как можно и возможно ли в принципе определить венецианскую идентичность, богатство истории и культуры, особенность городской жизни Светлейшей (Serenissima) Республики, заключенной в пределы лагуны, и, в то же время, несоизмеримой с центрами и зонами первоначального поселения, постоянно выходящую за пределы собственных границ? Попытки определить эту идентичность создали несколько направлений в историографии истории Венеции (помимо наиболее традиционной истории экономической и политической): условно их можно назвать особым ракурсом институциональной истории¹, истории частной жизни и повседневности², истории идей, включая и акцентируя идею рецепции Античности в Светлейшей Республике³.

Венеция, возникшая на стыке стихий и культур – между сушей и водой, Востоком и Западом, открытостью и замкнутостью, – это вечно двойственный мир. С одной стороны, особенности природного ландшафта как бы преодолены городом на воде (было проведено осушение мелководья, устроены насыпи и целые рукотворные островки, забиты сваи для построек). В этой городской среде изначально было больше искусственного и меньше природного пейзажа, чем это характерно для средневекового города, обычно связанного с округой и городским землевладением. С другой стороны, природному ритму лагуны, суточным и сезонным колебаниям воды, постоянно подчинялась и подчиняется вся жизнь Венеции. Венеция создана теми, кто искал спасения и защиты от внешней силы, но не имел возможности окружить свой город оборонительной стеной, полагаясь на естественную защиту – болота, мелководья

¹ Cracco 1967; Zorzi 1983.

² Fortini Brown 2004.

³ Fortini Brown 1997.

и сложный секретный фарватер. Город-община беженцев постепенно превратилась в антипод замкнутости – широко распространившую свою власть и влияние морскую империю⁴. Городу мореходов и торговцев свойственна особая мобильность населения – сами венецианские корабли способствуют массовой транспортировке, в Венецию приезжают на в болотистой лагуне привычный для средневекового запада тип и план города, зато диктует необходимость полицентризма, т.е. социального и культурного принципа, столь важного для Италии в целом, что без него не существовало бы итальянского Средневековья и Возрождения.

Поселение на лагуне возникло в эпоху варварских нашествий, в момент кризиса и коллапса мира Поздней Античности. Венеция стала осколком именно этой космополитичной Поздней Античности, а не классической культуры древнего Рима, явила собой новый тип города-общины. При этом определенные умонастроения возрождения (*renovatio*) античности, в особенности идеи благой «простоты» древности, не только посещали городскую среду Венеции, но и стали важным идеологическим концептом. Правда, возврат к первичной простоте позиционировался как идеал (действенного призыва к равенству граждан не было), равенство признавалось как благо в достаточно риторической форме, под равенством подразумевалось спокойствие и однородность элиты.

Риторическому признанию «равенства» соответствовали особые привилегии исконных горожан (т.е. той самой элиты), а также проявления борьбы против роскоши (*сумптуарии*), и даже особенности венецианского дискурса, например, такие языковые особенности, как общее название «CASA», «CA» – применительно к любому частному зданию, богатому или бедному, и упорное нежелание применять название дворец, палаццо – по отношению к самым роскошным частным строениям. Вообще же говоря, исконные венецианцы вовсе не спешили изменять внешний вид своих домов, включая резиденции патрициата, а это означает, что городская элита сохраняла достаточно консервативный архитектурный облик города, не изменяя традициям в угоду новым вкусам.

Большинство городских центров Италии в средневековье управлялись коллегиально – через совет, ассамблею представителей общины граждан. Но Венеция выделялась даже среди итальянских городов-коммун, цветение венецианских институтов было бурным и удивительно своеобразным. Наиболее известен Большой Совет Венеции, и именно этот Совет, замкнувшись и вбирая в себя представителей лишь одного слоя горожан, стал синонимом элиты, привилегированного гражданства. Большой Совет был самой заметной, но не самой действенной частью системы советов. Имели особую власть и значение такие советы, как

⁴ Azzara 2002; Cracco 2009; 1987; Orlando 2008; 2014 (a); 2014(b); Berto 2013; Карпов 1994; Соколов 1963.

Quaranta, Zonta, I Dieci. На совет Десяти – один из важнейших органов – следует обратить особое внимание. Дождь вместе со своими порученцами, которых было шесть, входил в совет Десяти, так что, с точки зрения банальной арифметики, участников набиралось 17 человек, но название «Десятка» сохранялось. Дождь не подчинялся себе полностью этот совет, а считал его своим присутствием. Десятка же должна была в случае необходимости предотвратить как покушение на дождя, так и угрозу общественному строю, исходящую от личных тиранических устремлений дождя.

Общественное устройство, согласно господствующей идеологической схеме, должно было оставаться стабильным, неизменным, при этом стабильность требовала постоянного создания новых должностей и советов, учреждаемых *ad hoc* по конкретному поводу и с четкой целью, но затем остававшихся действовать на протяжении десятилетий и веков. В частности, так и возник Совет Десяти, который, проявив себя после заговора Кверини–Тьеполо против дождя и нейтрализовав заговорщиков, в дальнейшей истории противостоял расширению полномочий и амбиций дождя – вплоть до самых крайних мер, например, заставив одного из дождей отречься, а другого – осудив на казнь.

Выбираемый тайным голосованием Большого совета, дождь пожизненно становился правителем Республики, чеканил монету со своим именем (собственный венецианский чекан по образцу имперского появился в Венеции еще в IX в.). Именно дождь единолично подписывал указы республики, но реальная власть дождя ограничивалась сложной системой сдержек и противовесов: комиссий и советов, следивших за действиями дождя и осуществлявших контроль друг за другом, а главное, гласной и негласной регламентацией жизни, правил поведения.

Регламентация во многом касалась политической жизни, что обеспечило континуитет государственности, хотя некоторым ограничениям – именно ради сохранения политической системы – подвергалась и жизнь частная. Члены элиты, например, под угрозой потери статуса их отпрысками не должны были вступать в брачные союзы с женщинами плебейского или зависимого положения. Однако, с другой стороны, этот элитарный слой допускал в свои ряды не только собственно купеческие и нобильские роды, но также образованных и искусных специалистов, которые занимались, например, правом и нотариальной практикой, медициной или даже изготовлением муранского стекла, что также требовало особых знаний, умений и подготовки. Любому наследнику такого избранного рода, рожденный в законном браке от родителей равного статуса, получал автоматически право и обязанность занимать место в Большом совете и исполнять общественные должности по достижении определенного возраста. Закрывание возможности членства в этом совете для новых семейств было произведено еще в 1297 г., (т.н. *segrata*).

Разумеется, право участия в совете касалось исключительно лиц мужского пола, притом не только женщины, но также клирики и монахи,

как бы достигшие чина ангельского, посвященные Богу, не могли осуществлять подобную государственную и общественную деятельность. Светлейшая республика воспрещала лицам священного сана вмешиваться в политическую жизнь, но наоборот, органы самой республики – Сенат и Большой совет, члены которого были только светскими лицами, непосредственно участвовали в церковных делах, вплоть до утверждения кандидатуры епископа, носившего по традиции титул патриарха. Считалось даже, по крайней мере в кругу гуманистов, что Венеция не благоволит «попам» и их здесь не любят. Один из известных приверженцев *studia humanitatis* даже поплатился за то, что приводил подобное мнение устно и письменно (об этом гуманисте по имени Помпоний Лэт и его связи с Венецией будет сказано ниже).

Римская инквизиция, осуществляемая в Вечном Городе, и инквизиционные процессы в Венеции имели различия⁵. Венецианскую инквизицию, между прочим, отличало то, что в нее входили представители светской власти, в равной пропорции и на равных правах с клириками, при этом на заседаниях присутствовал часто и сам дож. Такая причудливая взаимосвязь мирского и церковного в социальной жизни является одним из атрибутов и символов городской идентичности Венеции.

Большой совет в пору расцвета Светлейшей состоял из 2500 членов, отпрысков элиты патрицианских родов, и из их числа рекрутировалось большинство должностных лиц республики. Важным фактором политической стабильности, как уже было сказано, являлось достигнутое внутри замкнутой элиты относительное равенство: члены виднейших городских семейств были богаты и независимы, пусть даже некоторые и выделялись особенным богатством или временными успехами, а их наследники получали доступ к общественным должностям и благам автоматически, вне системы личного покровительства. Особенности элитарных кругов Венеции во многом определяли сущность городской общины и республики, а олицетворением этой особой элиты и всей *civitas* становились советы. Разнообразные советы, венецианские институты власти, включая власть дожа, можно, думается, охарактеризовать как особо значимую составляющую часть городской идентичности.

С одной стороны, представители элитарной среды имели множество общих и созвучных интересов, а с другой – в случаях разногласий никто из членов элиты, в частности, входивших в Большой совет, не опасался выступать и просто голосовать против других, статусно равных, хотя бы и более богатых. Также не вызывали особого сервильного отношения или страхов носители символической власти республики – дожи: любые попытки реального усиления единоличной власти и стремление к тирании – пресекались элитой через сложную систему советов,

⁵ См., напр., Davidson 1988; Grendler 2016 [1977]; Pullan 1998 (особ. P. 26–57).

следивших за общественным равновесием. Точнее будет сказать, что система советов республики создавала такое равновесие, а управленцы, представители элиты, не только следили за общественным мнением, но активно вмешивались в формирование этого мнения, создавая, обеспечивая, поддерживая ту основу жизни, частные и общественные правила поведения, что вслед за Пьером Бурдые обозначают как *habitus*.

Ритуалы в жизни Венеции играли огромную роль, как и в жизни любого доиндустриального общества, но при этом ритуал обручения дожа с морем и процессия в честь патрона города оказывали не большее влияние, чем обычай доверять прошения, донесения и показания льву, атрибуту Апостола Марка. После опасной, хотя и неудачной попытки государственного переворота, были установлены особые потайные ящики, прикрытые мордой льва, в которые могли внести свои послания и свидетельства все жители Венеции. Свидетельства анализировались членами Совета Десяти, в ряде случаев немедленно начинались процессы против указанных в донесениях лиц или расследования обстоятельств изложенных дел и выдвинутых обвинений (хотя анонимным доносам и не придавали веры, если только показания не были сходными и множественными). Этот ритуал подачи и выемки посланий специальными уполномоченными лицами и последующий разбор донесений был одним из важнейших ритуалов венецианского государственного управления. Обвинить можно было любого, статус и высокий ранг никак не исключали равенства перед законом, который был, возможно, даже более суров, чем во времена Древнего Рима.

Илл. 1. Стена церкви Св Мартина (Сан Мартино). Пасть льва с отверстием для вложения письменных свидетельств и обвинений.

Этот момент – подача жалоб и обвинений, невзирая на лица, – приводит к наиболее значимой, на наш взгляд, теме – к образу венецианской юстиции, неумолимого и сакрального правосудия.

Илл. 2. Якобелло дель Фьоре. Триптих. 1421г. Венеция-Юстиция.

Илл. 3. Венеция-Юстиция. Палаццо Дукале.

Осуществление принципов справедливости – базовая характеристика общин (цивитас) древнего мира и средневековья, но в Венеции образ Юстиции являлся яркой персонификацией города, самой Светлейшей Республики. Эти властные образы, фигура и атрибуты Правосудия окружали горожан, образ Справедливости (и справедливого возмездия) царил в местах собраний и средоточия власти, в административном центре города. Сама Венеция видела себя таким воплощением торжествующей Справедливости – с мечом, воздетым вверх, со львами в изножии, такой Светлейшая Республика представляла в воображении граждан.

Как только ренессансное изготовление медалей получило должное развитие и достигло расцвета, венецианский дож Франческо Фоскари заказал медаль, которая была изготовлена для тирана Римини Малатесты и Лионелло, представителя рода д'Эсте, но, в данном случае, – ради прославления светлейшей Венеции: с портретом дожа и образом Справедливости – триумфом Юстиции. Медаль брала за образец тондо Палаццо Дукале (см. илл. 3), на реверсе имелась надпись: «Великая Венеция».

Илл.4 Медаль венецианского дожа Фоскари

Так образы Венеции и Юстиции были соединены зримо и на века, и образ Венеции-Юстиции, постепенно переходил из разряда официозных в изображения, тиражируемые и распространяемые в быту (см. илл. 5).

Илл. 5. Триумф Юстиции. Венецианская работа. Нач. 16 в.

Венецианская Юстиция работала исправно: выше отмечалось, что сообщения-доносы венецианцев на сограждан или пришлых обитателей территории, подвластной республике, поступали постоянно. Святейшая Инквизиция на берегах лагуны и сама проявляла инициативы по расследованию казусов недолжного поведения и нарушения моральных устоев. Инквизиционные дела заводились и на итальянских гуманистов, ученых, и на простых кумушек-травниц.

Одним из самых примечательных стал процесс против римского гуманиста Помпония Лэта⁶, уроженца юга, но искренне привязанного к городу на лагуне, видевшего Светлейшую Республику в самом выгодном свете и никак не ожидавшего от нее такого удара. Помпоний был арестован в Венеции, несмотря на обширные связи среди уважаемых семейств Серениссимы и покровительство местной аристократии⁷. Дело против него было инициировано из Рима, но у Совета Десяти к тому моменту имелись и собственные подозрения относительно Помпония (Совет Десяти, в частности, рассматривал обвинения в содомии). Гуманиста не спасли знакомства с важными лицами республики, Помпоний был доставлен в Рим, и только по необыкновенному везенью не получил самый жестокий приговор.

Куртизанки и знахарки Венеции пользовались покровительством сильных мира Серениссимы, как и ученые-гуманисты, но, кажется, по отношению к ним юстиция была более милостивой, а защита и денежное поручительство осуществлялись, в случае необходимости, гораздо удачнее и надежнее. Такое впечатление сложилось у меня при изучении казусов инквизиционных процессов против травниц, предсказательниц и ворожей, по крайней мере одна из которых, кстати, была подругой главы охраны того самого Совета Десяти⁸. Многие донны, известные дознавателям и правосудию как публичные женщины, и в дополнение к этому пороку – еще и как ведуньи и ворожеи, принимающие в своем доме постоянных гостей и случайных любопытствующих, бывали помилованы (после процедуры дознания) или даже неоднократно помилованы и отпущены под залог. При этом к гуманистам круга Помпония и его Академии инквизиция применила пытки при допросах (правда, уже в Риме, в Замке Св. Ангела), а признания ведьм, ворожей и знахарок могли обходиться и без телесных наказаний при дознании в Венеции.

⁶ Assame 2008.

⁷ См. не теряющее научного значения, несмотря на прошедший столетний юбилей, исследование русского медиевиста Владимира Забугина, приват-доцента Римского университета, проводившего жизнь в эмиграции в Италии: Забугин 1914. Обстоятельства ареста и выдачи Помпония в ответ на специальный запрос из Рима и бреве папы римского, а также обвинения со стороны самого венецианского Совета Десяти против гуманиста изложены Забугиным подробно (особ.: с. 25 и с. 36–38).

⁸ См подробнее: Селунская 2015.

Правовые свидетельства необыкновенно важны для изучения социумов Италии времен Средневековья и Возрождения, поскольку это массовые источники очень хорошей сохранности. Мне случалось уже указать на то, какие важные вопросы раскрывает этот блок исторических свидетельств. Как получить сведения о системе указания и конкретизации места жительства в мире, где нет четких официальных адресов и номеров домов? Как узнать, что рассказывали друг другу соседи и соседи, а чем не желали делиться? Историк повседневности, исследователю итальянского Средневековья и Ренессанса, первым делом следует взяться за самый распространенный вид исторических источников, а именно, нотариальные записи и правовые казусы.

Свидетеля или свидетельницу, вызванных для дачи показаний, не просто именовали в письменном свидетельстве, но их род занятий, место проживания и самые неожиданные статусные характеристики тут же получали исчерпывающую детализацию, в записи судебного разбирательства они указывались со всей возможной для эпохи точностью. Именно из записей инквизиционных дел можно узнать о ряде особенностей городской жизни и занятиях жителей Венеции: например, о манере определять возраст людей и час суток, в который происходила встреча с ними, о манере венецианцев держать себя с равными или вышестоящими, или же способах описывать обычное и исключительное в самом течении жизни венецианского квартала, быт и привычки и занятия соседей, а также свои собственные.

Некоторые привычные для нас, современных людей, маркеры обозначались весьма приблизительно. Например, период суток указывался условно, по звону колокола, примерно после или до времени богослужения. И такая же неопределенность могла быть с днем недели: например, свидетели помнили, что день был: «один из постных», но затруднялись определить, суббота или пятница. Даже год знакомства с обвиняемым (обвиняемой) или свидетелем по делу отмечался так: примерно после даты последней эпидемии в городе. Разумеется, надо учитывать, что проходило иногда достаточно много времени между эпизодом, который лег в основу дознания, и самим дознанием. Но, более вероятно, что, если бы не строгое дознание, сами носители венецианской городской традиции вовсе не позаботились бы уточнить, в какой час, день и даже год происходил определенный разговор или встреча в их городе.

В других случаях свидетели, наоборот, необыкновенно конкретны и, возможно, настаивают на детализации. В частности, среди описаний, определяющих статус венецианцев и гостей Светлейшей, можно встретить много интересных подробностей, касающихся профессиональной деятельности. Венецианские мастера нередко представляли очень специализированное ремесло (мастер моделей – образцов и форм пуговиц, специалист по иллюстрированию книг и художник, изображающий Ма-

донн, мастер по производству рам для зеркал)⁹. Внутри административных единиц жилых кварталов адрес определялся не только по приходской церкви, но и через другие достопримечательности и специалистов, которые всем нужны: например, лавочник-молочник, лекарь и знахарка-травница, изготовитель икон и гадалка.

Записи показаний свидетелей и обвиняемых, составленные в ходе инквизиционных процессов, это классический пример поля исследования для множества дисциплинарных подходов и стратегий, которое, однако, чаще остается территорией гуманитарных исследований. Данная территория не включается автоматически в «зону ответственности» ни одной из гуманитарных дисциплин. Именно в таких свидетельствах, между тем, и раскрывается история социума, история церкви, народной религиозности, традиционных верований и предрассудков, история повседневности со всеми деталями быта, включая представления о ходе времени – т.е., собственно, становится возможным изучение специфики городской идентичности, а не только правовых формул и моментов истории права.

Правовая документация и казусы – это не только богатый источник наших знаний об итальянском городе Средневековья и Ренессанса. Такая правовая активность, вовлеченность в правовые отношения – важная составляющая образа города и горожан (в частности, важно то, что в Венеции в качестве свидетелей активно привлекались женщины, что не совсем типично для европейского средневекового правосудия).

Образ Венеции сложен, но, думается, именно Венеция-Юстиция – тот определяющий элемент образа города на лагуне, с которым неизбежно встречался и современник расцвета Светлейшей Республики, и потомок, историк, исследователь.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Забугин В.Н. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914 [Zabugin V.N. Yulii Pomponii Let. Kriticheskoe issledovanie. SPb., 1914].
- Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. М., 1994 [Karpov S.P. Putyami srednevekovykh morekhodov: Chernomorskaya navigatsiya Venetsian-skoi respubliki v XIII—XV vv. M., 1994].
- Селунская Н.А. Пространство диалога неравных: свидетели, ведьмы и инквизиторы в Венеции XVI в. // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 281-298 [Selunskaya N.A. Prostranstvo dialoga neravnykh: svideteli, ved'my i inkvizitory v Venetsii XVI v. // Dialog so vremenem. 2014. № 49. S. 281-298].
- Селунская Н.А. Жить и ворожить в Венеции. Быт или не быт? // Повседневные практики Средневековья и Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой. М., 2015. С. 71–91 [Selunskaya N.A. Zhit' i vorozhit' v Venetsii. Byt ili ne byt? // Povsednevnyye praktiki Srednevekov'ya i Novogo vremeni. Ot informatsii unikal'noi k informatsii verifitsiruemoi. M., 2015. S. 71–91].
- Сokolov Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963 [Sokolov N.P. Obrazovanie Venetsianskoi kolonial'noi imperii. Saratov, 1963].

⁹ Подробнее об этих и других казусах см. Селунская 2014.

- Accame M. Pomponio Leto: vita e insegnamento. Tivoli-Roma: Tored, 2008.
- Azzara C. Venetiae. Determinazione di un'area regionale fra antichità e alto medioevo. Treviso, 2002.
- Berto L.A. Venetia (Venice): Its Formation and Meaning in the Middle Ages // Italian Studies. 35 (2013). Special Issue: New Perspectives on Veneto. Literary and Cultural Itineraries. P. 1-7.
- Cracco G. Società e stato nel medioevo Veneziano (Secoli XII–XIV). Firenze: Olschki, 1967.
- Cracco G. Venezia nel Medioevo: un “altro mondo” // Storia d'Italia / G. Galasso. Vol. VII. Torino, 1987. P. 1-157.
- Cracco G. Tra Venezia e Terraferma. Roma, 2009.
- Davidson N.S. Rome and the Venetian Inquisition in the Sixteenth Century // The Journal of ecclesiastical history. Vol. 39. Issue 1, January 1988. P. 16-36.
- Fortini Brown P. Private lives in Renaissance Venice: Art, architecture, and the family. New Haven: Yale University Press, 2004.
- Fortini Brown P. Venice and Antiquity: the Venetian Sense of the Past. New Haven: Yale University Press, 1997.
- Grendler P.F. The Roman Inquisition and the Venetian Press, 1540–1605. Princeton: U.P., 2016.
- Orlando E. Altre Venezie. Il dogado veneziano nei secoli XIII–XIV (giurisdizione, territorio, giustizia e amministrazione). Venezia, 2008.
- Orlando E. Migrazioni mediterranee. Migranti, minoranze e matrimoni a Venezia nel Basso Medioevo. Bologna, 2014 (a).
- Orlando E. Venezia e il mare nel Medioevo. Bologna, 2014 (b).
- Pullan G. The Jews of Europe and the Inquisition of Venice: 1550–1620. Tauris, 1998.
- Zorzi A. Una città' una Repubblica un impero: Venezia 697–1797. Venezia: Mondadori, 1983.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН: spesbona@mail.ru

The Serenissima – Justitia and the authority of “councils” urban identity in images and symbols

The article discusses a definition of Venetian identity in a very complex society. The author concludes that the image of Justice, Justitia was one of the main symbols of urban identity of the community of the citizens of Venice, and this image was presented in the juxtaposition of the secular and the sacral.

Keywords: urban identity, Renaissance, early Modern period, history of law, Venice, nobility, history of institutions, history of everyday life

Nadezhda Selounskaya, PhD (History), senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); spesbona@mail.ru